

¹Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия

²НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай»
Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия
(E-mail: rpochekaev@hse.ru)

Право и суд Улуса Джучи (Золотой Орды) в записках католических миссионеров конца XIII–XIV вв.

Аннотация. В статье анализируются сведения католических миссионеров (францисканцев и доминиканцев) как источник сведений о правовых реалиях Золотой Орды конца XIII–XIV вв. На основе междисциплинарного подхода, сочетающего методы исторических и юридических наук, исследованы отчеты представителей католического духовенства, лично побывавших в Золотой Орде в рассматриваемый период, а также фрагменты трудов европейских авторов, опиравшихся на сведения, предоставленные такими миссионерами. В результате проведенного анализа реконструируются принципы и нормы права, регулирующие такие сферы, как взаимоотношения власти с населением, частные (в первую очередь, семейные) отношения, преступления и наказания, процессуальные отношения (следствие и суд). Демонстрируя в своих записках о праве и суде в Золотой Орде «европоцентристский подход» и будучи в значительной степени связанными установками, возникшими еще в результате путешествий в Улус Джучи, И. де Плано Карпини и В. де Рубрука, их последователи, тем не менее, в известной степени учли изменившиеся реалии (принятие ислама, свертывание масштабных завоеваний и пр.), что нашло отражение в новых трактовках правовых принципов и норм, действовавших в Улусе Джучи.

Ключевые слова: Улус Джучи (Золотая Орда); католические миссионеры; записки путешественников; монгольское имперское право; обычное право; религиозное право семейные правоотношения; преступления и наказания; суд и процесс.

DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-7255-2021-136-3-62-73>

Поступила: 15.07.2021 / Одобрена к опубликованию: 30.07.2021

Введение

Большое значение для изучения правовых реалий прошлого имеют свидетельства современников. Особенно это актуально в рамках изучения права Улуса Джучи (Золотой Орды), от которой, как известно, сохранилось очень немного собственных исторических источников – особенно юридического характера. Неудивительно, что именно по запискам иностранных современников

исследователи получают возможность реконструировать политические, социально-экономические и, наконец, правовые реалии этого государства в период его существования.

Благодаря усилиям финского исследователя Р. Хауталы в русскоязычный научный оборот введены многочисленные латиноязычные источники, содержащие разнообразные и порой уникальные сведения по истории Улуса Джучи [1]. Среди них немалое место занимают записки католических миссионеров

(францисканцев и доминиканцев), которые, собственно, и представляют интерес в рамках настоящего исследования как источники сведений о праве и суде в Золотой Орде.

Постановка проблемы

В течение длительного времени единственными западными источниками по данному аспекту для специалистов служили записки доминиканца Юлиана, францисканцев Иоанна де ПIANO Карпини, Бенедикта Поляка и Вильгельма де Рубрука, посетивших Улус Джучи в рамках своих миссий ко двору хана Монгольской империи в середине XIII в. Ни в коей мере не отрицая ценности этих документов, все же нельзя не отметить, что их авторы были дипломатами, совершившими разовые поездки в Рах Mongolica и, в силу своего статуса, общавшиеся с ограниченным кругом лиц, дававшим им именно ту информацию, которую полагалось предоставлять иностранным послам в соответствии с интересами монгольских имперских властей.

Совершенно иным образом обстоят дела со свидетельствами францисканцев и доминиканцев, побывавших в Золотой Орде в конце XIII – первой половине XIV в.: во-первых, они проживали в Улусе Джучи длительное время, во-вторых, общались с широким кругом лиц, принадлежавших к разным слоям общества, конфессиям и пр. Кроме того, самим миссионерам неоднократно приходилось становиться свидетелями или даже участниками правоотношений, так что их сведения по ряду вопросов являются первоисточником.

В рамках настоящего исследования исследован ряд исторических документов, одни из которых являются отчетами самих миссионеров о своей деятельности, другие же были составлены на основе записок или устных сообщений этих миссионеров. Целью исследования является реконструкция отдельных аспектов правовых и процессуальных отношений в Улусе Джучи по сведениям католических миссионеров,

а также оценка степени достоверности их как источника по данному аспекту золотоордынской истории.

Методы исследования

Исторические памятники изучаются как источники сведений о праве и суде Золотой Орды, для чего используется междисциплинарный подход, сочетающий инструментарий исторического и историко-правового исследования. Соответственно, в числе используемых методов наиболее востребованными являются историко-правовой, сравнительно-правовой и формально-юридический подходы, историко-системный и структурно-функциональный методы.

Результаты

В ходе исследования был проведен анализ ряда записок католических миссионеров, одни из них сами провели некоторое время в Золотой Орде, другие же составляли свои труды в Европе, опираясь на сведения, предоставленные им информаторами их числа побывавших в Улусе Джучи и других чингизидских государствах.

К числу первых следует отнести послание Ладислава, кустодия Газзари (т.е. главы францисканцев в Золотой Орде), направленное из Кафы 11 апреля 1287 г., хорошо известное исследователям послание францисканца Иоганки Венгра генеральному министру ордена 1320 г., а также послание францисканцев из той же Кафы, датированное 15 мая 1323 г.

Вторую группу источников составляют произведения, написанные в Европе, но с использованием сведений, предоставленных миссионерами, побывавшими в Улусе Джучи. Во-первых, это произведения флорентийского доминиканца Риккольдо де Монтекроче (1243–1320), самого побывавшего в качестве миссионера, правда, на Ближнем Востоке – «Книга паломничества» и «Книжица [братьям, посланным] к восточным народам» (обе

составлены во Флоренции ок. 1300 г.). Другие два сочинения принадлежат францисканцу Джованни Элемозине (ум. ок. 1339) – «Книга историй святой Римской церкви» и «Хроникон, или Книга многочисленных историй», написанные в Ассизи в 1335–1336 гг. К середине XIV в. относится анонимное продолжение «Хроники» генуэзского архиепископа и хрониста Якопо да Вараджине, составленное в середине XIV в., а ко второй половине века (между 1360 и 1373 гг.) – «Хроника 24 генеральных магистров ордена миноритов», автором которой предположительно являлся Арно де Саран, глава францисканцев Аквитании, и «О подобии жизни святого Франциска с жизнью господина Иисуса», написанное между 1385 и 1390 гг. итальянского теолога Бартоломео из Пизы. Позднейшим из использованных сочинений является «Каталог святых меньших братьев», составленный около 1385 г.

Несколько особняком стоит еще один документ, также уже хорошо известный исследователям – булла-послание папы римского Бенедикта XII (1334–1342) золотоордынскому хану Узбеку от 17 августа 1340 г. В нем на основании сведений, предоставленных послами самого хана (среди которых был и францисканец Илия из Венгрии), оцениваются события, происшедшие в Улусе Джучи годом раньше и также имеющие юридическое значение.

Представляется целесообразным проанализировать сведения данных источников по сферам правоотношений в Золотой Орде. При этом сразу стоит отметить, что различные сферы нашли отражение в сообщениях миссионеров в разной степени, что совершенно объяснимо, учитывая цели пребывания авторов и информаторов в Улусе Джучи и их связи с местными властями и населением.

Так, обращаясь к вопросам власти и управления, миссионеры весьма кратко затрагивают вопрос о жесткой властной иерархии в Золотой Орде, подчеркивая беспрекословное подчинение младших старшим. В этом отношении они, по сути,

продолжают и развивают сделанное в свое время еще Иоанном де Плано Карпини и его спутником Бенедиктом Поляком [2, с. 49, 50; 3, с. 121]. Надо полагать, столь четкая система подчиненности в глазах средневековых европейцев выглядела чем-то весьма необычным даже в весьма структурированной церковной иерархии – неслучайно брат Бенедикт в свое время отметил, что монголы «послушны своим господам... даже больше, чем лица духовного звания своим прелатам». Однако если посланцы европейских монархов первой половины XIII в. ограничивались лишь общей характеристикой такого «послушания», то миссионеры, пребывавшие длительное время в Золотой Орде, имели возможность на конкретных примерах убедиться в действии этого принципа на практике. Так, в «Книге паломничества» Риккольдо де Монтекроче содержится следующая информация: «Но они также соблюдают такое повиновение их господину, что когда случится, что кого-либо приговорят к смерти, господин говорит: “Схватите такого-то и усыпите его”. Ибо они не называют смерть смертью, а зовут ее обычно сном. Тогда те приходят к тому, кого следует убить, и говорят: “Господин повелел, чтобы мы тебя схватили и усыпили”. Тогда тот отвечает, говоря: “Он сам говорит и повелевает?”. И немедленно после того, как услышит, что так, он протягивает руки, чтобы его связали и говорит: “Тогда вяжите меня”» [1, № 8, с. 153–154]. Джованни Элемозина в «Книге историй святой Римской церкви» достаточно подробно описывает жесткую военную дисциплину, характерную для монгольской имперской традиции [1, № 74, с. 467–468].

Вместе с тем, учитывая, что миссионеры больше внимания уделяли взаимодействию с частными лицами (принадлежавшими, впрочем, ко всем социальным слоям [4, с. 144–145]), неудивительно, что сфера власти и управления их не слишком интересовала. Напротив, они гораздо больше внимания уделили тому факту, что представители ханских властей не вмешивались в

частную жизнь своих подданных, разных по этнической, языковой, культурной и религиозной принадлежности: ведь во многом именно благодаря этому миссионеры имели возможность беспрепятственного общения с подданными ханов-Джучидов с целью их обращения в католицизм.

Именно поэтому и Иоганка Венгр в своем послании, и затем Джованни Элемозина в «Хрониконе» особо отмечали, что власти не препятствуют покоренным народам сохранять свои религию («закон») и образ жизни – лишь бы те платили налоги и пошлыны и сохраняли верность своим новым властям [1, № 31, с. 304–305, № 75, с. 471; 5, с. 91].

Следует отметить, что принцип невмешательства власти в частные правоотношения своих подданных начал формироваться у монголов еще в доимперский период: ханы и их подчиненные предоставляли подданным возможность разрешать свои частные конфликты и противоречия на основе обычного права (йусун) [6, с. 55; 7, с. 33–34]. В правление хана Угедэя, сына и преемника Чингис-хана (1229–1241), этот принцип был распространен на все многонациональное население империи: он создал прецедент, приговорив к казни некоего кипчака, обвинившего мусульманина в нарушении монгольского закона о правилах умерщвления животных, употребляемых в пищу, но увидевшего это нарушение в результате проникновения в его дом [8, с. 49–50]. Таким образом, сведения миссионеров позволяют увидеть, что подобный принцип невмешательства властей в частную жизнь подданных активно применялся и в Улусе Джучи.

Продолжая анализ сведений католических миссионеров о регулировании частнопровых отношений в Золотой Орде, нельзя не отметить также упомянутую Иоганкой Венгром неприкосновенность частной собственности, в т.ч. и представителей покоренного населения: «И господа не осмеливаются касаться имущества рабов» [1, № 31, с. 305; 5, с. 91].

Учитывая, что христианская церковь (как католическая, так и православная)

выступала основным регулятором семейно-правовых отношений, неудивительно, что миссионеры неоднократно сообщают об особенностях семейных отношений в Золотой Орде и отдельно о положении женщин – не без оснований видя в последних наиболее подходящий контингент для обращения в христианство.

Многоженство у золотоордынских подданных разных конфессий (поскольку его допускали и ислам, и тенгрианство, и буддизм) в глазах миссионеров являлось одной из причин, по которым ордынцы отказывались переходить в католичество и, напротив, с охотой принимали ислам. Риккольдо де Монтекроче в своей «Книжице...» дает вполне рациональное объяснение этому: «потому что они имеют много жен и детей от них и порой любят больше младшую, чем старшую» [1, № 9, с. 174] (подобная оговорка объясняется тем, что в случае принятия христианства новообращенному предписывалось удалить всех жен, кроме первой, т.е. старшей).

Положение женщин описывается миссионерами достаточно противоречиво. С одной стороны, они отмечают высокий статус женщин, наличие у них многочисленных личных и имущественных прав (что было не слишком характерно для средневековой Европы). Риккольдо де Монтекроче в «Книге паломничества» утверждает, что «женщины тартар пребывают среди них в великой чести», «тартары почитают всех женщин мира и особенно своих». Женщины отвечали за ведение домашнего хозяйства: «их женщины являются теми, кто управляет царством и домом. И они покупают и продают» [1, № 8, с. 154–155]. Неудивительно, что адресатами посланий и римских пап, и других европейских монархов являлись не только сами ханы, но и их жены, обладавшие большим политическим влиянием не только внутри Улуса Джучи, но и на международной арене [см., напр.: 9, с. 196–203; 10].

Примечательно объяснение, данное флорентийцем столь высокому положению женщин: согласно его сообщению, однажды именно женщины одержали победу над

врагами своего народа. Неудивительно, что среди качеств и прав женщин упоминается также то, что они «являются отважными и воинственными. Они ездят верхом так же, как и мужчины...» [1, № 8, с. 154, 155].

С другой же стороны, согласно сведениям миссионеров, у женщин практически не было выбора в отношении замужества и решения последующей своей судьбы. Тот же Риккольдо де Монтекроче указывает: «Тартары также когда берут жен, покупают их у их родителей, словно какую-нибудь рабыню». После смерти мужа она либо становилась женой его родственника (по распространенному среди монголов праву левирата), «или она навсегда остается в доме мужчины, словно рабыня». Примечательно, что принцип левирата имел и политическое значение: женитьба нового хана на вдовах своего предшественника, по словам флорентийца, увеличивала легитимность хана в глазах подданных: «они не считают ханом того, у кого нет жен и женщин другого» [1, № 8, с. 154, 155].

Полигамия предопределяла различие в статусах старших и младших жен: «они берут много жен одновременно, все же первая является старшей и считается законной, другие же являются почти наложницами» [1, № 8, с. 155].

Проживая значительное время в Золотой Орде, миссионеры нередко становились свидетелями, а порой и участниками уголовно-правовых отношений, что так же отражали в своих сообщениях. В этой сфере они старались подчеркнуть порочность жестокость ордынцев – «язычников» в связи с их отношением к преступлениям и наказаниям.

Так, Риккольдо де Монтекроче сообщает: «Кражу же и грабеж они считают некой благой хитростью» [№ 1, № 8, с. 153]. Однако это утверждение находится в явном противоречии как со сведениями, например, как Вильгельма де Рубрука, так и Джованни Элемозина о суровых наказаниях за воровство. Причем если Рубрук, лишь проезжавший через территорию Улуса Джучи и, вероятно, опиравшийся на слухи, утверждал, что за

самые незначительные кражи следуют самые жестокие наказания – до 100 ударов палками [11, с. 100–101], то Элемозина, получивший сведения от очевидцев, приводит более правдоподобную информацию: «За небольшое воровство вор получает в суде 7 ударов палкой, и чем больше воровство, тем более увеличивается число ударов. Однако при воровстве лошади или [...] вора убивают. Однако, если он хочет отдать украденное, прибавив другого столько же, сколько он украл, его отпускают» [1, № 74, с. 468].

К числу тяжких преступлений относилось убийство. Риккольдо де Монтекроче сообщает: «К убийству они относятся очень серьезно и весьма остерегаются того, чтобы убить кого-либо без чрезвычайной причины» [1, № 8, с. 154.]. При этом к числу таких причин он относит неповиновение старшим. Джованни Элемозина (вслед за Рубруком) отмечает, что за убийство неминуемо следовала смертная казнь. Любопытно также, что суровое наказание, по его словам, следовало и за провоцирование другого на агрессивные действия в связи с угрозой убийством: «угрожающий другому [смертью...], чтобы он ударил, теряет руку» [1, № 74, с. 468].

Из государственных преступлений миссионерами упомянуто только попытка захвата престола, о которой сообщается в послании францисканцев Кафы 1323 г. Согласно этому сообщению, два сына покойного хана составили заговор против новоизбранного хана, за что они были казнены (отметим, впрочем, что это событие привлекло внимание авторов лишь в связи с возможным крещением и последующим отступничеством этих царевичей, что, по утверждению францисканцев, послужило отягчающим обстоятельством при определении им наказания) [1, № 47, с. 366–367]. По-видимому, речь идет о событиях, связанных с приходом к власти хана Узбека в 1313 г. и последовавшей борьбой со сторонниками его дяди и предшественника Токты, завершившейся лишь в начале 1320-х гг. с гибелью Тукель-Буги – последнего сына Токты. Тем не

менее, само сообщение в полной мере подтверждает принцип, зафиксированный как монгольскими имперскими историками (в качестве положения Великой Ясы Чингисхана) [8, с. 119; 12, р. 255], так и европейскими дипломатами [2, с. 48], о смертной казни за попытку незаконного захвата трона.

Основным наказанием за большинство преступлений были телесные наказания. Однако, как отмечал Монтекроче, сами ордынцы были привычны к ним: «Сечь или получать кнута они считают почти ничем. Так, когда татарин сечет кого-либо до смерти многими ударами кнута, то считается лучшим образом возместить тому это, если он протягивает ему питье. И когда его самого жестоко бьют кнутом, он весьма легко примиряется, приняв вино».

Смертная казнь осуществлялась в двух формах – с пролитием и без пролития крови. На первое могли претендовать только представители правящего рода Джучидов – согласно Риккольдо де Монтекроче, «один хан убивает другого, чтобы самому властвовать, но строго следит за тем, чтобы не пролить его крови. Ибо они говорят, что никоим образом не подобает, чтобы кровь великого хана пролилась на землю, но он заботится задушить его любым возможным для него способом» [1, № 8, с. 154]. Основным же видом смертной казни для остальных подданных золотоордынских ханов и иностранцев являлось разрубание мечом: «Умерщвляемого рассекают посередине, там, где пупок» [1, № 74, с. 468]. Это сообщение Элемозины подтверждается сведениями и из восточных источников: согласно персидскому хронисту Хафизу Абру, именно так был казнен, в частности, Рашид ад-Дин – знаменитый государственный деятель и историк монгольского Ирана [13, с. 80].

В анонимном продолжении «Хроники» архиепископа Якопо да Вараджине упоминается о тюремном заключении, причем, по-видимому, пожизненном: так, когда в 1307 г. имел место конфликт хана Токты (1291–1312) с генуэзцами, монарх приказал схватить всех граждан этого государства в

своих владениях, после чего многие из них «остались там заключенными в тюрьму, и позже почти все они умерли от холода, меча и болезней» [1, № 22, с. 258].

Вместе с тем мы практически не находим в сведениях католических миссионеров сообщений о произволе властей или населения Золотой Орды против собственных подданных или иностранцев. Напротив, в некоторых записках содержатся сведения о процессуальных отношениях в Улусе Джучи, которые можно считать весьма ценными и порой даже уникальными.

Так, Ладислав, глава кустодии Газзарии, в своем письме описывает действия властей, последовавшие в результате массового конфликта между мусульманами и христианами в Солхате: «императоры Телебуга и Ногай направили каждый по одному из наиболее выдающихся из своих баронов и третьего особого посла с той целью, чтобы, если первые обвинили бы кого-либо в разрушении церкви или сносе колокола, то тот третий без всякого исключения или денежного заступничества наказал бы того своей собственной рукой вне зависимости от каких-либо обстоятельств... тот третий вошел с военной силой в город Солхат. И хотя он был сарацином, поразил всех сарацин словно собак» [1, № 5, с. 125].

Данное сообщение дает основание для нескольких выводов. Во-первых, «выездная сессия» ханского суда включала в себя двух «следователей», один из которых представлял интересы хана Тула-Бути (1286/1287–1291), а другой – темника и фактического временщика Ногай (ум. 1300), задачей которых был сбор доказательств и поиск виновных. Третий же был собственно судьей. Примечательно, что, несмотря на свою принадлежность к исламу («был сарацином»), он действовал, в первую очередь, именно как ханский судья-дзаргучи, что и обусловило его беспристрастность, в т.ч. и по отношению кединоверцам. Аналогичным образом, Иоганка Венгр отмечает отсутствие субъективности по религиозному принципу у судей-несториан, с которыми он встречался в Башкирии [1, № 31, с. 306; 4, с. 92].

Краткие сведения о ханском суде Золотой Орды нашли отражение в булле папы Бенедикта XII хану Узбеку 1340 г. Исследователи уже обращали внимание на это послание как на единственный источник о чрезвычайном событии – заговоре против Узбека, имевшем место в 1339 г., в результате которого хан был осажден в собственном дворце, который заговорщики к тому же попытались поджечь [9, с. 40–42]. Из папского послания следует, что среди подозреваемых в участии в заговоре было несколько христиан, в результате чего под подозрением оказались все христиане Орды. Однако, как подчеркивает Бенедикт XII, хан провел справедливый и объективный суд, в результате чего все подозреваемые христиане были оправданы, кроме трех, чье участие в заговоре было доказано, и они были казнены [1, № 93, с. 516; 10, с. 1003]. Это сообщение является еще одним подтверждением того, что столь важные дела, связанные с посягательством на государство и лично монарха, разбирались исключительно ханами Золотой Орды.

Однако гораздо более подробное и информативное описание суда и процесса в Улусе Джучи нашло отражение в целом ряде сообщений о гибели в Сарае францисканца Иштвана из Варада, имевшей место 6 (22) апреля 1334 г. Несомненно, это событие вызвало большой резонанс в ордене, тем более, что погибший был причислен к лику святых. Неудивительно, что этот сюжет нашел отражение в целом ряде сочинений, созданных францисканцами, из которых нас особо интересуют три, как содержащие сведения процессуального характера:

«Хроника 24 генеральных магистров ордена миноритов», «Каталог святых меньших братьев» и «О подобию жизни святого Франциска» Бартоломео из Пизы.

Сам сюжет, собственно, представляет собой довольно распространенный вариант агиографического сочинения (жития) мученика, погибшего от рук иноверцев. Однако рассказ об этом событии, несмотря на наличие многочисленных классических «житийных» элементов, несомненно,

отражает подлинные золотоордынские процессуальные реалии.

Венгерский францисканец Иштван из Варада, наказанный собратьями за прелюбодеяние, решил перейти в ислам, однако впоследствии раскаялся и вернулся в католичество. Согласно канонам шариата, такое деяние влекло мучительную казнь, и сначала бывшие иноверцы подвергли его избиванию камнями и оружием, а также «кнутами из кожи, наполненными песком» [1, № 102, с. 589], однако мусульманский судья-кади решил провести формальное расследование, для чего заключил Иштвана в тюрьму.

Прежде чем приступить к допросу, францисканца подвергли пыткам. Согласно «Хронике 24 генеральных магистров...», в ту же ночь кади повелел подвесить его за правую руку и за ногу с той же стороны, а на другую руку и другую ногу, и посередине туловища, привязать огромный камень как груз. И он оставил его в ту ночь, так подвешенным, приказав, чтобы никто не подавал ему еды или питья... Следующей же ночью кади, найдя его еще более стойким душой в вере Христа, повелел, как и прежде, сечь его ремнями, полными песка, и после этого подвесить его за обе руки, и привязать к его ногам одно огромное бревно, которое тянуло ему ноги вниз, как если бы они хотели отделить его от своей нижней части. И всю ту ночь он оставался таким образом подвешенным» [1, № 102, с. 589–590, ср.: № 105, с. 624].

Сходным образом представлены пытки будущего святого и в «Каталоге святых меньших братьев»: «После этого он [кади – Р.П.] повелел заключить его в темницу и приказал, чтобы ему не давали ничего ни есть, ни пить. И на ночь он приказал подвесить его за правую руку и ногу и привязал большой камень к его левой руке, и один камень к левой ноге, а другой – посередине туловища; чтобы, подвешенный таким образом, он растянулся во все стороны и изнемог. И так его оставили в течение всей той ночи и следующего дня, вплоть до следующей ночи. Все это он стойко терпел, укрепленный силой Христа.

Но кади, увидев его твердым в вере, повелел подвесить его за обе руки и привязать к его ногам огромную глыбу, чтобы полностью его расчленил. И груз был настолько большим, что руки у него вытянулись из предплечий, а все туловище было изломано. Приблизившись к нему и видя, что не может отвлечь его от своей веры, кади повелел подвесить его за горло, подвергнув его, однако, сначала жесточайшему бичеванию. И, чтобы задушить его дымом, под его ногами был быстро разожжен большой костер, а кади ушел, заперев темницу» [1, 3 106, с. 628].

Безусловно, мы не можем в полной мере реконструировать систему получения доказательств в рамках судебного процесса в Золотой Орде. Столь яркие (с несомненными преувеличениями) описания бесчеловечных пыток мучеников за веру имели весьма широкое распространение в европейской средневековой агиографической литературе [14, р. 31–69]. Однако ряд подобного рода мер «выбивания» признания мы находим и в восточных источниках монгольского имперского происхождения: в частности, персидский историк второй половины XIII в. Алла ад-Дин Джувейни приводил примеры подвешивания обвиняемых на цепи, лишения их еды и сна и т.д. [12, р. 245–246]. Таким образом, можно не сомневаться, что некоторые реалии процессуальных реалий Золотой Орды, связанные с получением признания обвиняемого, нашли отражение в анализируемых источниках.

Обращает на себя внимание также ход последующего допроса Иштвана судьей-кади. Сам судья и его помощники задавали подсудимому многочисленные вопросы и выдвигали обвинения, на которые он лишь молчал, что вызвало удивление его собрата по ордену Гильома Аквитанского, который даже спросил его: «Почему же ты им не отвечаешь?» [1, № 102, с. 591]. Полагаем, это сообщение указывает на использование в Золотой Орде (даже в делах по религиозным преступлениям) состязательного процесса, в рамках которого у обвиняемого была возможность реагировать на показания обвинителей и вопросы суда с целью отвергнуть обвинения.

Также следует отметить практически полное отсутствие упоминаний о роли в процессе официальных представителей властей Улуса Джучи. Судья-кади в данном случае выступает не как представитель ордынской администрации (хотя в результате религиозной реформы хана Узбека мусульманские чиновники и были интегрированы в нее), а как глава мусульманской общины. Несомненно, вероотступничество рассматривалось не как противоправное деяние в публично-правовой сфере, а как исключительно «внутреннее дело» мусульман города Сарая, что и объясняет руководство процессом со стороны кади, равно как и активное поведение других представителей мусульманской общины.

Вместе с тем одно единственное упоминание «постороннего вмешательства» в процесс все же нашло отражение в «Хронике 24 генеральных магистров»: «Жена же императора тартар той же империи, которая была дочерью императора греков, услышав о мучении упомянутого брата и испытав к нему же сострадание, послала ему есть и пить» [1, № 102, с. 589]. Сообщение, на наш взгляд, является весьма любопытным. Во-первых, оно подтверждает активную роль представительниц правящего рода в Золотой Орде, позволившую ханской супруге, в отличие от других представителей власти, все же вмешаться в дело, полностью переданное на рассмотрение в мусульманский суд. Во-вторых, упоминание этой «жены императора тартар..., которая была дочерью императора греков», подтверждает историчность «жития» Иштвана: речь идет о супруге хана Узбека, известной по имени Баялун, которая была внебрачной дочерью императора Андроника III (1325–1341). Согласно мнению исследователей, между женами хана Узбека существовало своеобразное «распределение» покровительства основным конфессиям, присутствовавшим в Золотой Орде: так, знаменитая ханша Тайдула была покровительницей православия (почему и упоминается столь часто в русских летописях), Урдуджа – ислама [15, с. 45–46]; Байлун же, исходя из анализируемого сообщения, могла

покровительствовать как раз католичеству (что отражает особенности религиозной политики византийских императоров в рассматриваемый период).

Как бы то ни было, кади (под давлением мусульманской общины) был вынужден приговорить Иштвана к смертной казни через сожжение, причем перед этим его провезли по городу, привязав к хвосту лошади. Однако, согласно житию, когда огонь его не тронул, мусульмане накинулись на него с камнями, мечами и топорами, в конце концов умертвив [1, № 102, с. 593, № 105, с. 624, № 106, с. 629].

Таким образом, сведения, казалось бы, канонического житийного сочинения отражают целый ряд элементов судебного процесса в Золотой Орде: подведомственность религиозных дел духовному суду, использование различных пыток для получения признания, состязательный характер судебного разбирательства.

Выводы

Подводя итоги исследования, можно утверждать, что католические миссионеры описывали правовые реалии Улуса Джучи в основном в парадигме, заданной Иоанном де Плано Карпини и другими европейскими посланцами в Монгольской империи и Золотой Орде: мы можем наблюдать те же «европоцентристские» оценки права и суда, подчеркивание несовершенства регулирования правовых отношений среди населения, еще не приобщившегося к христианству и т.д. Вместе с тем нельзя не

отметить, что миссионеры конца XIII–XIV вв. уже отражали изменившуюся ситуацию в Улусе Джучи. Во-первых, в их записках отмечаются официальное принятие ислама и интеграция его ценностей в различные сферы жизни, включая и правовую. Во-вторых, несмотря на продолжение ханами-Джучидами боевых действий, они уже не рассматривались европейскими современниками как неминуемая угроза для Европы, в связи с чем некоторые трактовки миссионерами золотоордынских правовых реалий стали приобретать более нейтральный характер по сравнению с эпохой Плано Карпини, Рубрука и их современников.

Таким образом, исследованные источники позволяют существенно расширить наши представления о правовых реалиях Золотой Орды конца XIII – первой половины XIV в. и, с привлечением материалов вышеупомянутых священнослужителей-дипломатов (Плано Карпини, Рубрук и др.), проследить эволюцию представлений европейских современников о праве и суде в Улусе Джучи. Сведения проанализированных источников представляют значительный интерес на предмет сравнения с записками современных им миссионеров, побывавших в других улусах Монгольской империи рассматриваемого периода – Джованни де Монтекорвино, Журдена де Северака, Одорико де Порденоне, Джованни Мариньоли и др. [16]. Сравнение представленных в них сведений о правовой ситуации в других улусах Монгольской империи с ситуацией в Золотой Орде является следующим этапом нашего исследования.

Список литературы

- 1 Хаутала Р. В землях «Северной Тартарии»: Сведения латинских источников о Золотой Орде в правление хана Узбека (1313–1341) / Р. Хаутала. – Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. – 976 с.
- 2 Плано Карпини И. История монгалов. Путешествия в восточные страны / Плано Карпини И. – Москва: Мысль, 1997. – 272 с.
- 3 Аксенова С.В., Юрченко А.Г. «История Татар» Ц. де Бридиа // Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года. – Санкт Петербург: Евразия, 2002. – С. 75–126.

- 4 Малышев А. Б. Начало католического миссионерства в Золотой Орде // Восток – Запад: проблемы взаимодействия и трансляции культур. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2001. – С. 140–145.
- 5 Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и восточной Европе // Исторический архив. – № 3. – 1940. – С. 71–112.
- 6 Крадин Н.Н. Эволюция социально-политической организации монголов в конце XII – начале XIII века / Н.Н. Крадин // «Тайная история монголов»: источниковедение, филология, история. – Новосибирск: Наука, 1995. – С. 48–66.
- 7 Почекаев Р.Ю. Право Золотой Орды / Р.Ю. Почекаев. – Казань: Фэн, 2009. – 260 с.
- 8 Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II / Рашид ад-Дин. – Москва: Изд-во АН СССР, 1960. – 253 с.
- 9 Григорьев А.П., Григорьев В.П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции: источниковедческое исследование / А.П. Григорьев, В.П. Григорьев. – Санкт Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2002. – 276 с.
- 10 Юргевич В. Рассказ римско-католического миссионера доминиканца Юлиана о путешествии в страну приволжских венгерцев, совершенном перед 1235 годом и письма папы Венедикта XII к хану Узбеку, его жене Тайдолю и сыну Джанибеку в 1340 году // Записки Одесского общества истории и древностей. – Т. V. – 1863. – С. 998–1006.
- 11 Рубрук Г. Путешествие в восточные страны // Путешествия в восточные страны. – Москва: Мысль, 1997. – С. 86–189.
- 12 Juvaini Ata-Malik. The History of the World-Conqueror / Juvaini Ata-Malik. – Manchester: Manchester University Press, 1997. – 763 p.
- 13 Хафиз Абру (Шихаб ад-Дин Абдаллах ибн Лутфаллах ал-Хавафи). Зайл-и Джамии ат-таварих-и Рашиди («Дополнение к собранию историй Рашида») / Хафиз Абру. – Казань: ЯЗ, 2011. – 320 с.
- 14 Tracy L. Torture and brutality in medieval literature: Negotiations of national identity / L. Tracy. – Cambridge: D.S. Brewer, 2012. – 326 p.
- 15 Григорьев А.П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам: источниковедческий анализ золотоордынских документов / А.П. Григорьев. – Санкт Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2004. – 276 с.
- 16 После Марко Поло. Путешествия западных чужеземцев в страны трех Индий / После Марко Поло. – Москва: Наука, 1968. – 237 с.

Р.Ю. Почекаев^{1,2}

¹»Экономиканың Жоғары Мектебі» Ұлттық зерттеу университеті, Санкт-Петербург, Ресей

²Алтай мемлекеттік университетінің «Үлкен Алтай» алтаистика және түркітану ФБО, Барнаул, Ресей

Жошы ұлысының (Алтын Орда) құқығы мен соты XIII–XIV ғғ. аяғындағы католик миссионерлерінің жазбаларында

Аңдатпа. Мақалада XIII–XIV ғғ. соңындағы Алтын Орданың құқықтық болмысы туралы мәліметтер көзі ретінде католик миссионерлерінің (францискандар мен доминикандықтардың) мәліметтері талданады, тарихи және заң ғылымдарының әдістерін үйлестіретін пәнаралық тәсіл негізінде қарастырылып отырған кезеңде Алтын Ордаға жеке өзі келген католик дінбасылары өкілдерінің есептері, сондай-ақ осындай миссионерлер ұсынған мәліметтерге сүйенген еуропалық авторлар еңбектерінің үзінділері зерттелген. Жүргізілген талдау нәтижесінде биліктің халықпен өзара қарым-қатынасы, жеке (бірінші кезекте, отбасылық) қатынастар, қылмыстар мен жазалар, процестік қатынастар (тергеу және сот) сияқты салаларды реттейтін құқық қағидаттары мен нормалары реконструкцияланады. Алтын Ордадағы құқықпен сот туралы жазбаларында «еуропоцентристік көзқарас» және Джучи И. де Плано Карпини мен В. Улусқа сапар шегу нәтижесінде пайда болған қондырғылармен байланысты. де Рубрука, олардың ізбасарлары, соған қарамастан, белгілі бір дәрежеде өзгерген шындықты ескерді (исламды қабылдау, кең

ауқымды жаулап алуларды тоқтату және т.б.), бұл Жошы Ұлысында қолданылатын құқықтық қағидалар мен нормалардың жаңа түсіндірмелерінде көрініс тапты.

Түйін сөздер: Жошы ұлысы (Алтын Орда); католик миссионерлері; саяхатшылардың жазбалары; моңғол империялық құқығы; әдеттегі құқық; діни құқық, отбасылық қатынастар; қылмыстар мен жазалар; сот және процесс.

R.Yu. Pochekaev^{1,2}

¹*National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia*

²*“The Great Altai” Scientific Educational Center of Altaistics and Turcology at the Altai State University, Barnaul, Russia*

**Law and judgment of the Ulus Dzhuchi (Golden Horde)
in the notes of Catholic missionaries of the late thirteenth and fourteenth centuries**

Abstract. The article analyses the information of Catholic missionaries (Franciscans and Dominicans) as a source of information about the legal realities of the Golden Horde at the end of the 13th-14th centuries. Using an interdisciplinary approach combining the methods of history and law, the reports of representatives of the Catholic clergy who had visited the Golden Horde during the period in question, as well as fragments of works by European authors based on information provided by such missionaries, were examined. The analysis reconstructs principles and norms of law regulating such spheres as relations between authorities and population, private (primarily family) relations, crimes and punishments, and procedural relations (investigation and trial). While demonstrating in their notes on law and justice in the Golden Horde a «Eurocentric approach» and being largely bound by the attitudes that emerged as a result of I. de Plano Carpini and W. de Rubruk’s journeys to the Ulus Juchi, their followers nevertheless took into account, to a certain extent, the changing realities (the adoption of Islam, the winding down of large-scale conquests, etc.), which were reflected in new interpretations of legal principles and rules that were in force in the Ulus Juchi.

Keywords: Jochi Ulus (Golden Horde); Catholic missionaries; travelers’ notes; Mongolian imperial law; customary law; canon law; family legal relations; crimes and punishments; legal procedure.

References

1 Khautala R. V zemlyakh «Severnoy Tartarii»: Svedeniya latinskikh istochnikov o Zolotoy Orde v pravlenie khana Uzbeka (1313–1341) [To lands of the “Northern Tartaria”: Information of Latin sources on the Golden Horde during the reign of khan Uzbek (1313–1341)]. (Institut istorii im. Sh. Marjani AN RT Kazan, 2019, 976 p.), [In Russian].

2 Plano Karpini I., Istoriya mongalov [History of Mongols], Puteshestviya v vostochnye strany [Travels to eastern countries] (Mysl’, Moscow, 1997, 272 p.), [In Russian]

3 Akesnov S.V., Yurchenko A.G. «Istoriya Tatar» ts. de Bridia [History of tatars by C. de Bridia]. Khristianskiy mir i «Velikaya Mongol’skaya imperiya». Materialy frantsiskanskoy missii 1245 goda [The Christian world and the “Great Mongol Empire”. Materials of the Franciscan Mission of 1245] (Evraziya, St. Petersburg, 2002, P. 75–126), [In Russian]

4 Malyshev A. B. Nachalo katolicheskogo missionerstva v Zolotoy Orde [The beginning of the Catholic missionary work in the Golden Horde]. Vostok – Zapad: problemy vzaimodeystviya i translyatsii kul’tur [East and West: problems of the cultural interaction] (Saratov University Press, Saratov, 2001, P. 140–145), [in Russian].

5 Anniskiy S.A. Izvestiya vengerskikh missionerov XIII–XIV vv. O tatarakh I vostochnoy Evrope [Information of Hungarian missionaries of 13th–14th cc. on tatars and Eastern Europe]. Istoricheskiy arkhiv [Historical archive], 3, 71–112 (1940), [In Russian].

6 Kradin N.N. Evolyutsiya sotsial’no-politicheskoy organizatsii mongolov v kontse XII – nachale XIII veka [Evolution of social-political organization of Mongols at the end of 12th – beginning of 13th c.]. “Taynaya

istoriya mongolov”: istochnikovedenie, filologiya, istoriya [“The Secrete History of Mongols”: Source Study, Philology, History] (Nauka, Novosibirsk, 1995, P. 48–66), [in Russian].

7 Pochekaev R.Yu. Pravo Zolotoy Ordy [The law of the Golden Horde] (Fen, Kazan, 2009, 260 p.), [in Russian].

8 Rashid ad-Din. Sbornik letopisey [Collection of chronicles], (Izdatel'stvo AN SSSR, Moscow, 1960, 253 p.), [in Russian].

9 Grigor'ev A.P., Grigor'ev V.P. Kolleksiya zolotoordynskikh dokumentov XIV veka iz Venetsii: Istochnikovedcheskoe issledovanie. [The collection of the Golden Horde documents from Venuice: Source study]. (St. Petersburg State University Press, St. Petersburg, 2004, 276 p.), [in Russian].

10 Yurgevich V. Rasskaz rimsko-katolicheskogo missionera dominikantsa Yuliana o puteshestvii v stranu privolzhsikh vengertsev, sovershenom pered 1235 godom i pis'ma papy Venedikta XII k khanu Uzbeku, ego zhene Taydolyu i synu Dzhanibeku v 1340 godu [Tale of the Roman-Catholic missionary Julian on his travel to the country of Volga Hungarians before 1235 and letters of the Pope Benedict XII to khan Uzbek, his wife Taydula and son Janibek in 1340]. Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostey [Proceedings of the Odessa society of history and antiquities], 5, 998–1006 (1863), [in Russian]

11 Rubruk G. Puteshestvie v vostochnye strany [Travel to eastern countries], transl. by A.I. Malein. Puteshestviya v vostochnye strany [Travels to eastern countries] (Mysl', Moscow, 1997, p. 86–189). [in Russian].

12 Juvaini Ata-Malik. The History of the World-Conqueror, transl. from text of Mirza Muhammad Qazvini by J.A. Boyle (Manchester University Press, Manchester, 1997, 763 p.).

13 Khafiz Abdu (Shikhab ad-Din Abdallakh ibn Lutfallakh al-Khavafi). Zayl-i Dzhami at-tavarikh-i Rashidi («Dopolnenie k sobraniyu istoriy Rashida») [“Addition to collections of histories by Rashid”] (Yaz, Kazan, 2011, 320 p.), [in Russian].

14 Tracy L. Torture and brutality in medieval literature: Negotiations of national identity (D.S. Brewer, Cambridge, 2012, 326 p.).

15 Grigor'ev A.P. Sbornik khanskikh yarlykov russkim mitropolitam: Istochnikovedcheskiy analiz zolotoordynskikh dokumentov [The collection of khans' yarliks to Russian metropolitans: Source study analysis of documents], (St. Petersburg State University Press, St. Petersburg, 2002, 276 p.), [in Russian].

16 Posle Marko Polo. Puteshestviya zapadnykh chuzhezemtsev v strany trekh Indiy [After Marco Polo. Travels of western foreigners to countries of three Indias] (Nauka, Moscow, 1868, 237 p.), [in Russian].

Сведения об авторе:

Почекаев Роман Юлианович – доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия; главный научный сотрудник НОЦ алтаистики и тюркологии «Большой Алтай» Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия.

Pochekaev Roman Yulianovich – Doctor of Historical Sciences, Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of Law and State of the National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia; Chief Researcher of “The Great Altai” Scientific Educational Center of Altaistics and Turcology at the Altai State University, Barnaul, Russia.